

Борисова Ольга Геннадьевна

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ КАК МАКРОСИСТЕМА: МОДЕЛЬ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ

Впервые лексика и фразеология кубанских говоров с южнорусской и украинской языковыми основами рассматриваются как единая макросистема. Применение метода моделирования позволяет систематизировать обширный языковой материал и создаёт необходимые условия для его лексикографического описания в полисистемном словаре, который представляет собой лексикографический аналог лексической макросистемы кубанского диалекта или её фрагмента.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/4/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 25-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

дента необходима практика применения в жизни теоретических знаний с последующей их трансформацией в прочные профессиональные компетенции. И такой практикой являются реальные межкультурные контакты, в результате которых формируется собственный опыт и навыки межкультурной коммуникации.

Стремление будущих специалистов получать дополнительное образование за рубежом является мощным стимулом изучения иностранного языка на высоком уровне владения, в том числе на профессиональном, что является показателем готовности социального пласта студентов к академической мобильности. Интерес к последней может поддерживаться, как сведениями о положительных результатах такой образовательной деятельности, так и сведениями о перспективах такого специалиста в нашей стране, в том числе и перспективах материального стимулирования.

Список литературы

1. **Аитов В. Ф.** Проблемно-проектный подход к формированию иноязычной профессиональной компетентности студентов (на примере неязыковых факультетов педагогических вузов) [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. URL: <http://ido.rudn.ru/rap/Publication.aspx?pubId=3327&rlid=31>
2. **Академическая мобильность в условиях интернационализации образования** / В. А. Галичин, Е. А. Карпухина, В. В. Матвеев, А. П. Сугакова. М.: Университетская книга, 2009. 460 с.
3. **Бим И. Л.** Концепция обучения второму иностранному языку (немецкой на базе английского). Обнинск: Титул, 2001. 48 с.
4. **Гальскова Н. Д., Гез Н. И.** Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 336 с.
5. **Зимняя И. А.** Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании [Электронный ресурс]. URL: http://metod.dvpiion.ru/article.asp?id_sec=3&id_text=11
6. **Киктева К. С.** Межкультурная коммуникативная компетенция как цель иноязычной подготовки будущих юристов в вузе // Вестник Московского университета. 2009. № 3. С. 185-191.
7. **Сафонова В. В.** Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. 237 с.

ACADEMIC MOBILITY AS INTERCULTURAL COMPETENCE FORMATION PURPOSE AND MEANS

Tamara Evgen'evna Bondareva

Department of Linguistics and Intercultural Communications

Syktuykar State University

tamara.bondareva@gmail.com

The article is devoted to the consideration of student mobility as the most popular social phenomenon under globalization conditions. Academic mobility is considered as the purpose and means of the formation of the intercultural competence of the students of non-language faculties. The components and formation levels of competence are determined in its structure.

Key words and phrases: academic mobility; intercultural competence; Bologna process; motivation; competence approach; academic interchange programmes.

УДК 81'373:811.161.1'28

Впервые лексика и фразеология кубанских говоров с южнорусской и украинской языковыми основами рассматриваются как единая макросистема. Применение метода моделирования позволяет систематизировать обширный языковой материал и создаёт необходимые условия для его лексикографического описания в полисистемном словаре, который представляет собой лексикографический аналог лексической макросистемы кубанского диалекта или её фрагмента.

Ключевые слова и фразы: кубанский диалект; смешанные говоры; метод моделирования; лексико-фразеологическая макросистема; полисистемный словарь.

Ольга Геннадьевна Борисова, к. филол. н., доцент

Кафедра современного русского языка

Кубанский государственный университет

ganevika@rambler.ru

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ КАК МАКРОСИСТЕМА: МОДЕЛЬ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ[©]

Тезис о системности лексики и фразеологии не вызывает возражений у учёных, представляющих разные лингвистические школы и направления. Подход к словарному составу языка как к явлению системному, концептуально оформленный в трудах Ф. де Соссюра, стал традиционным для лексикологии. Под

лексической, или лексико-семантической, системой обычно понимается вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие их группировок, характер взаимодействия друг с другом и с элементами других подсистем языка. Таким образом, лексическая система представляет собой внутренне организованное целое, которое создаётся благодаря единству отношений, сложившихся между составляющими её компонентами. «В понятие системности лексики включены два взаимообусловленных характерных признака этого уровня: во-первых, лексическая система как набор словарных единиц (слов и оборотов, являющихся назывными средствами), во-вторых, лексическая система как форма организации этих единиц и способы их взаимодействия» [11, с. 11].

Положение о лексике как о системно организованном целом применимо не только к литературному языку, но и в полной мере к диалектам. Оно стало исходной методологической основой в исследовании лексики русских народных говоров. На сегодняшний день отечественными диалектологами в указанном аспекте написано немало работ на материале различных говоров (исследования Л. И. Баранниковой по волжским говорам, В. В. Палагиной и О. И. Блиновой по томским говорам, И. А. Оссовецкого и Т. С. Коготковой по рязанским говорам, Ф. Л. Скитовой по пермским говорам, А. Ф. Войтенко по говорам Московской области, О. К. Сердюковой по говору казаков-некрасовцев и др.).

Что касается говоров Кубани, то их лексика объединялась учёными в две лексические системы: лексическую систему говоров с южнорусской языковой основой и лексическую систему говоров с украинской языковой основой, которые рассматривались изолированно. В 60-е годы XX столетия Е. П. Шейнина делает вывод о том, что с лексической стороны речь жителей Кубани не представляет единой языковой системы [14, с. 67]. Однако в этой же статье - «Украинские заимствования в говоре ст. Тенгинской Краснодарского края» - исследовательница констатирует, что русское население заимствовало у своих соседей украинцев большое количество украинских слов и выражений, и приводит целый ряд тематических групп, включающих украинизмы: бытовые названия, наименования одежды, терминология строительного дела, слова, обозначающие средства передвижения [Там же, с. 68]. Следует подчеркнуть, что на *смешение* лексики двух диалектов уже в XIX веке обращали внимание местные краеведы и учителя, наблюдавшие живую речь населения. В 1897 году Л. А. Апостолов пишет: «Язык Кубанской области довольно своеобразный. Малорусское наречие даже в наиболее однородных станицах подвергалось значительному влиянию великорусского, приняв туда много оборотов и слов. В свою очередь, сильно изменилось и великорусское наречие, в особенности в станицах со смешанным населением, которых в области почти половина. Часто даже трудно бывает различить, на каком наречии говорят, до того великорусская речь пестрит малорусскими оборотами...» [3, с. 237]. В начале 50-х гг. XX века, описывая говор Предгорной полосы Краснодарского края, М. Н. Шабалин приходит к заключению, что украинский язык оставил заметный отпечаток на русской народной речи жителей исследуемой им территории, где в середине XIX столетия русское население смешалось с выходцами из Полтавской, Харьковской и некоторых других украинских губерний. Проницаемыми, как отмечает учёный, оказались все стороны языка, но более всех - лексический пласт [13, с. 430]. В 1994 году в связи с реализацией проекта Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) ростовский диалектолог Б. Н. Проценко провёл обследование по комплексной лексической программе первых четырёх томов ЛАРНГ в станице Дядьковской Кореновского района. Полученные результаты показали, что, сохраняя фонетические и морфологические черты, говор этой станицы, имеющий украинскую языковую основу, претерпел колоссальные изменения в области лексики, что проявилось в мощной экспансии русизмов [9, с. 17-18]. Б. Н. Проценко предложил квалифицировать описанный им идиом как говор переходного типа или говор русскоязычной лексики. Диалектолог при этом справедливо замечает, что определение языкового статуса кубанских говоров с украинской языковой основой требует содержательного обмена мнениями [Там же с. 18-19]. Работая над словарём кубанских говоров, выезжая начиная с 2005 года в ежегодные диалектологические экспедиции, мы также имели возможность убедиться в том, что в области лексики и фразеологии говоры с украинской и южнорусской языковой основой обнаруживают много общего. На данное обстоятельство обращают внимание и сами носители диалекта, см. записанные высказывания: *У нас тут язык помешанный* (ст-ца Северская); *Язык на Кубани разноцвет* (г. Усть-Лабинск); *Наш язык разная национальностью насыщын* (ст-ца Бородинская). Языковую ситуацию в крае достаточно ёмко выражает местная поговорка - «лезла по лестнице, упала с драбыны», - демонстрирующая смешанность местного диалекта на лексическом уровне. В этой связи считаем уместным привести определения «переходных» и «смешанных» говоров. Ф. П. Филин, присоединяясь к мнению Н. Н. Соколова и Н. Н. Дурново, даёт им следующую образную характеристику, обладающую на наш взгляд, убедительной объяснительной силой: «Переходный говор - как бы химическое соединение особенностей двух или нескольких говоров с весьма сильным изменением одного из них, смешанный же говор - механическое соединение, заимствование некоторых элементов языка одним говором у другого» [10, с. 96-97].

Выявление фактов, свидетельствующих о *смешении* кубанских говоров с южнорусской и украинской языковой основой, в результате которого они «механически» соединяются, заимствуя «некоторые элементы» друг друга, позволяет рассматривать кубанский диалект как оригинальный локальный идиом смешанного типа, имеющий восточнославянскую языковую основу. Этот диалект имеет полидиалектную фонетико-грамматическую систему и полидиалектную лексическую систему, включающую значительный в количественном отношении монодиалектный лексико-фразеологический пласт, - лексические единицы, функционирующие на всей территории распространения кубанских говоров.

Теоретическое обоснование объединения лексики и фразеологии кубанских говоров в единую макросистему даёт концепция диалектного языка, согласно которой диалектный язык определяется как сложная система диалектных микросистем, варьирующих общие и различительные признаки [1, с. 11]. Такое понимание диалектного языка позволяет говорить не об общности и различии лексических микросистем кубанских говоров с южнорусской и украинской языковыми основами, а о вариативности русского диалектного языка, составной частью которого они являются.

Практическим подтверждением правомерности рассмотрения лексики и фразеологии кубанских говоров с южнорусской и украинской языковыми основами как макросистемы служат экстралингвистические сведения - история края, его географические и этнокультурные особенности, а также интралингвистические данные, в том числе ареального характера. Кубань в силу специфики своего исторического развития представляет собой уникальный регион, где на протяжении вот уже трёх столетий элементы традиционной восточноукраинской культуры взаимодействуют с элементами южнорусской культуры. Наиболее интенсивно этот процесс протекал во второй половине XIX века, когда в крае проходил процесс формирования единого этнокультурного пространства. Это отмечают и выдающийся дореволюционный историк, исследователь кубанского казачества Ф. А. Щербина, и ведущий этнограф нашего времени Н. И. Бондарь. К аналогичному выводу приходит В. П. Чалов в кандидатской диссертации, представляющей собой историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества [12, с. 27-28]. Как показывают исследования историков и этнографов, в этот период самосознание казаков претерпевает существенные изменения. На смену традиционным линейцы, черноморцы, хопёрцы, кавказцы приходит осознание различными казаками общности судеб, связанных с территорией Кубани. Законодательный акт 1860 года (Указ Императора Александра II «О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска»), а также образование в этом же году Кубанской области закрепляют новую субэтническую общность - кубанские казаки. Под субэтнотом понимается этническая группа, члены которой осознают свое отличие от основного ядра этноса, в результате чего появляются самосознание, то есть осознание своей особенности, общности, и самоназвание [4, с. 140]. В процессе складывания субэтноса одновременно происходит формирование его культуры, важнейшей составной частью которой является язык.

Перечисленные экстралингвистические и интралингвистические факторы позволяют представить модель лексической системы кубанских говоров как макросистему, состоящую из двух микросистем: лексической системы говоров с южнорусской языковой основой и лексической системы говоров с украинской языковой основой, каждая из которых, в свою очередь, включает в себя частные диалектные системы (лексическую систему говора одного населённого пункта или нескольких, если в них говорят одинаково). Частная лексическая система содержит как элементы общие, присущие всему кубанскому диалекту в целом, так и различные, характерные для отдельных (отдельного) говоров (говора) и создающие те специфические диалектные различия, которые отличают кубанские говоры с южнорусской языковой основой от кубанских говоров с украинской языковой основой, а также говор одного населённого пункта от говора другого (других) населённого пункта (населённых пунктов). При таком подходе диалектная лексическая система выступает как некое обобщение, отвлечение от частных лексических систем отдельных говоров, однако и сами говоры также являются неким обобщением. В процессе их изучения исследователь моделирует частную диалектную лексическую систему, основываясь на лексиконе конкретных диалектоносителей.

Применение метода моделирования, на наш взгляд, является оптимальным при изучении лексики и фразеологии кубанских говоров. Согласимся с утверждением Л. Э. Калнынь о том, что «адекватное представление об устройстве и функционировании диалекта достигается методом моделирования диалектных систем разного уровня» [6, с. 51]. Разделяя обозначенную позицию, считаем, что метод моделирования позволяет, во-первых, систематизировать достаточно обширный языковой материал, во-вторых, создаёт необходимые условия для его лексикографического представления в одном словаре, представляющем надёжную базу для обобщающих разносторонних научных исследований. Такой словарь является полисистемным, или полидиалектным. Это наиболее известный тип словаря в отечественной лексикографии, отражающий лексику нескольких говоров, распространённых в определённой диалектной зоне (см., например: «Архангельский областной словарь», «Новгородский областной словарь», «Псковский областной словарь», «Словарь брянских говоров» и др.). Полисистемный словарь кубанских говоров можно рассматривать как лексикографический аналог лексической макросистемы кубанского диалекта или её фрагмента. В нём лексика и фразеология предстают в статичном состоянии, то есть остановившимися в своём развитии, что позволяет подвергать их системному анализу. Каждая новая лексическая единица, не зафиксированная в словаре, может органично вписаться в те множества, которые вычленились в словнике. При этом словарь отражает не только статику лексической макросистемы, но и результаты её динамики: применение целого ряда специальных помет позволяет проследить такие эволюционные процессы, как архаизация и неологизация, реактуализация, расщепление коннотации, структурное и семантическое варьирование лексических единиц, появление новых ЛСВ. Каждое значение имеет иллюстративные контексты, демонстрирующие естественную жизнь лексикографируемой единицы в сфере диалекта. Словарная статья полисистемного словаря, безусловно, является неким конструктором. Более того, в отдельных случаях она действительно представляет собой географическую сводку бытования на обследуемой территории тех или иных слов в их значениях. Однако в большей части словарные статьи многозначных слов отражают семантическую структуру одного слова, поскольку

в целом лексика кубанских говоров обладает значительным единством, что подтверждает география слов и ЛСВ, фиксируемая в каждой словарной статье. Между тем необходимо признать, что степень дифференциации семантики в словаре напрямую зависит от полноты собранного материала, к которой, бесспорно, стремится каждый составитель, но которая на практике в силу специфичности лексикографируемого объекта, принадлежащего к устной речевой стихии, часто является относительной. Таким образом, словарную статью полисистемного словаря можно рассматривать как открытую модель, в которой представлены внутрисловные и межсловные отношения лексической единицы на уровне микро- и макросистемы.

Самыми мелкими, далее не делимыми единицами системности языка являются, как известно, микросистемы, образованные словами и устойчивыми сочетаниями слов, связанными различными лексико-семантическими отношениями. Совершенно очевидно, что о лексико-семантических отношениях корректно говорить лишь тогда, когда лексические единицы входят в одну лексическую систему. В противном случае они являются разносистемными и должны квалифицироваться как разнодиалектные синонимы, антонимы, полисеманты и омонимы. Полагаем, что лексико-семантические отношения в говорах Кубани можно рассматривать как межсистемные и внутрисистемные. Межсистемные отношения возникают между лексическими единицами, функционирующими только в говорах с южнорусской языковой основой, с одной стороны, и в говорах с украинской языковой основой, с другой стороны. Внутрисистемные отношения - между лексическими единицами, входящими в одну лексическую систему.

Принципиально важным, на наш взгляд, является также вопрос о том, представляет ли лексическая макросистема кубанских говоров живую функциональную систему или это некая абстракция, которая не поддаётся непосредственному наблюдению. В своё время Р. И. Аванесов в статье «Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка» предложил интерпретировать национальный язык как систему систем. Учёный сформулировал положение о том, что фонетическую систему современного русского языка в целом можно считать языковой реальностью не только в структурно-языковом отношении, но и как средство общения [2]. Данная трактовка впоследствии была подвергнута критическому переосмыслению [5-7]. Большинство учёных признаёт, что диалектный язык, как и национальный язык в целом, не имеет прямого соответствия с текстом, а макросистема диалектного языка может быть представлена только на уровне модели. Однако необходимо подчеркнуть, что само понятие макросистемы относительно. Е. А. Нефёдова ставит вполне правомерный вопрос о макросистемах более низкого ранга, которые исследователь моделирует на материале говоров, обладающих генетической и исторической общностью, занимающих компактную территорию и рассматриваемых как фрагменты общей макросистемы диалектного языка [8, с. 13]. По мнению диалектолога, которое мы разделяем, имеются все основания предполагать, что существуют определённые предпосылки для обретения макросистемами более низкого ранга свойства реального функционального тождества [Там же].

Потенциальные функциональные возможности лексической системы кубанского диалекта связаны с динамикой развития современных говоров, поддерживаемой экстралингвистическими факторами: проживанием в одном населённом пункте носителей говоров с украинской и южнорусской языковыми основами, миграцией и смешением населения в пределах Краснодарского края, вызванными разного рода причинами, в результате чего неизбежно возникает «столкновение» в одном контексте разных членов диалектного различия (подчеркнём, что подобная ситуация весьма характерна для Краснодарского края; миграционные и этносоциальные процессы на территории Кубани достаточно обстоятельно описаны в исторических работах: см. О. В. Матвеев, В. Н. Ракачёв, Д. Н. Ракачёв «Этнические миграции на Кубани: история и современность» (2003 г.), Б. Е. Фролов «Поселение Черноморского казачьего войска на Кубани» (2005 г.) и др.). Нельзя не учитывать и следующее обстоятельство: реально носители говора с украинской языковой основой знают многие слова из южнорусских говоров и наоборот, что также говорит в пользу потенциальной воспроизводимости диалектных лексических единиц. Это знание часто проявляется при языковой рефлексии диалектоносителей в беседах с диалектологом о том, что интерес к местному языку не случаен, что везде говорят по-разному. Кроме того, в местных говорах многие лексические единицы представляют собой слова, общие для украинского языка и южнорусского диалекта, обладающих очевидным генетическим родством. Е. А. Нефёдова называет ещё один, существенный на наш взгляд, фактор - внутреннюю эволюцию говоров, приводящую к стиранию ярких диалектных различий (по предположению исследователя, прежде всего в лексике) [Там же, с. 14].

Всё сказанное выше позволяет утверждать, что имеются объективные основания рассматривать лексику и фразеологию, зарегистрированную на всей территории распространения кубанского диалекта, как единую лексическую макросистему, обладающую свойством реального функционального тождества. Таким образом, лексико-фразеологическую макросистему кубанского диалекта мы определяем как обладающее свойством реального функционального тождества исторически сложившееся целостное образование, состоящее из совокупности компонентов, находящихся во взаимно перекрещивающихся синтагмо-парадигматических отношениях и ограниченных в функционировании определённым ареалом.

Список литературы

1. Аванесов Р. И. Введение // Русская диалектология. М., 1964. 305 с.
2. Аванесов Р. И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1947. № 3.

3. **Апостолов Л. А.** Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 23. 299 с.
4. **Бондарь Н. И.** Что мы знаем друг о друге?: этнографические очерки о народах Кубани // Кубанский краевед: ежегодник. Краснодар, 1990. С. 132-174.
5. **Горшкова К. В., Калнынь Л. Э.** О некоторых вопросах теории диалектологии // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1984. № 6.
6. **Калнынь Л. Э.** Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовский сборник. М., 2002.
7. **Калнынь Л. Э.** Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. М., 1973. 398 с.
8. **Нефёдова Е. А.** Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008. 464 с.
9. **Проценко Б. Н.** О статусе степных кубанских говоров в Лексическом атласе русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования - 1994 / отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1996. С. 17-19.
10. **Филин Ф. П.** Исследование о лексике русских народных говоров: по материалам с.-х. терминологии / под ред. В. М. Ляпунова. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 208 с.
11. **Фомина М. Н.** Современный русский язык: лексикология: учеб. для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 1990. 415 с.
12. **Чалов В. П.** Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. 292 с.
13. **Шабалин М. Н.** Русские говоры на юго-востоке Кубани: к вопросу о взаимодействии близкородственных языков: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1952. 474 с.
14. **Шейнина Е. П.** Украинские заимствования в говоре ст. Тенгинской Краснодарского края: к составлению словаря говоров Краснодарского края // Труды Краснодар. гос. пед. ин-та. Краснодар, 1963. Вып. 31. Вопросы изучения русского языка. С. 67-74.

VOCABULARY AND PHRASEOLOGY OF KUBAN' DIALECTS AS MACROSYSTEM: MODEL AND ITS IMPLEMENTATION

Ol'ga Gennad'evna Borisova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Modern Russian Language
Kuban' State University
ganevika@rambler.ru

The author considers for the first time the vocabulary and phraseology of Kuban' dialects with Southern Russian and Ukrainian parent languages as a single macrosystem and shows that the application of the method for modeling allows to systematize extensive language material and to create the necessary conditions for its lexicographic description in a poly-system dictionary which is the lexicographic analogue of Kuban' dialect lexical macrosystem or its fragment.

Key words and phrases: Kuban' dialect; mixed dialects; method for modeling; lexical-phraseological macrosystem; poly-system dictionary.

УДК 821.512.157

Статья посвящена исследованию символики образов-концептов воды и дерева в творчестве А. Михайлова, отражающих этнопсихологическое мироощущение, обусловленное разнообразными компонентами: природные условия, фольклорно-мифологические представления, традиционная обрядность, индивидуально-личностное восприятие.

Ключевые слова и фразы: символ; образ; концепт воды; концепт дерева; этническая картина мира; литература пограничья.

Жанна Валерьевна Бурцева, к. филол. н.

Сектор литературоведения

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Сибирское отделение РАН

gvburtseva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗОВ-КОНЦЕПТОВ ВОДЫ И ДЕРЕВА В ТВОРЧЕСТВЕ ЯКУТСКОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ПОЭТА А. МИХАЙЛОВА[©]

Художественные тексты как репрезентанты культурного пространства в той или иной степени вбирают в себя национально обусловленную систему символов и ассоциаций. В этом плане творчество А. Михайлова представляется наиболее характерным для выявления определенных фольклорно-мифологических мотивов, системы представлений и образов, формирующих этническую картину мира.